

Публикации профессора М.В. Ушакова на страницах журнала «Русский язык в школе» (К 120-летию со дня рождения)

В настоящей статье дан перспективно-исторический анализ части публикационного архива профессора М.В. Ушакова, представленного на страницах журнала «Русский язык в школе». Через хронологические срезы публикационной тематики конкретизированы основные направления научно-исследовательского поиска ученого, зафиксированы моменты перехода актуальных авторских идей в разряд традиционного методического знания. Временные рамки исследования заданы поднятой проблематикой и охватывают период с 1928 по 1968 г.

Ключевые слова: профессор М.В. Ушаков; журнал «Русский язык в школе»; методика обучения орфографии и грамматике; экспериментальные методы в науке.

Svetlana N. Karamycheva

Professor M.V. Ushakov's Publications in the Journal «Russian Language at School» (to 120th Anniversary of the Birth).

The perspective-historical analysis of the part of the professor M.V. Ushakov's publications archive presented in the journal «Russian language at school» is given in the article. The main trends of investigative search of the scientist are particularized through the chronology of publication subject. The moments of transition of author's ideas on the stage of traditional methodological knowledge is fixed. The time frames of investigation are given by raised problem and cover the period since 1928 till 1968.

Key words: professor M.V. Ushakov; journal "Russian language at school"; orthography and grammar teaching methodology; scientific experimental methods.

Имя Матвея Васильевича Ушакова широко известно не только научному сообществу методистов, но и учительскому корпусу. Посвятив свою профессиональную деятельность решению одной из сложнейших проблем методики русского языка, а именно теории и практике формирования орфографической грамотности

у школьников, М.В. Ушаков оставил богатое методическое наследие, характеризующееся такой уникальной особенностью, как тщательно проработанная целостность развернутой идеи и методов ее осуществления. Причем понятие целостности в данном случае отражает не столько статику хронологических срезов публикационных тем и эпизодическую конкретику сиюминутно предлагаемых решений, сколько постоянный, неконъюнктурный, шедший всю профессиональную жизнь поиск, поиск настоящего ученого-методиста, как всегда скрупулезный и педантичный.

В работах профессора М.В. Ушакова, будь то журнальные статьи, методические бюллетени и письма, пособия, рекомендации и обзоры, нет ни одного утверждения, логического посыла или аргумента, которые не были бы многократно выверены на основе личного методического опыта, отточены на исторически устоявшемся

*Светлана Николаевна Карамышева, доцент
кафедры филологии и методики*

E-mail: irk-svetlana961@mail.ru

*Иркутский государственный университет
ул. Карла Маркса, д. 1, Иркутск, 664003,
Россия*

*Irkutsk State University
1 Karl Marx str., Irkutsk, 664003, Russian
Federation*

Ссылка для цитирования: Карамышева С.Н. Публикации профессора М.В. Ушакова на страницах журнала «Русский язык в школе» (К 120-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. – 2018. – № 6. – С. 43–51. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-6-43-51.

научно-методическом и лингвистическом знании и подчинены основной исследовательской цели — «обосновывать обучение правописанию на изучении свойств самого правописания» [Ушаков 1930: 108]. Отсюда возвратно-поступательный динамизм в формировании собственной научной позиции и стремление ученого к планомерному, досконально детализированному анализу ранее сделанного как им самим, так и коллегами по научному сообществу, что нашло свое отражение в регулярно публикуемых им рецензиях на учебники, методические пособия и т.д.

Будучи признанным мастером методического эксперимента и, пожалуй, одним из тех немногих, кто преодолел субъективистские границы невоспроизводимой уникальности авторских методик и подходов, М.В. Ушаков вывел эксперимент в методике русского языка на уровень надындивидуального и типологического, задав высокую планку объективной предметности и научности. При этом характерной, неотъемлемой чертой экспериментальной деятельности М.В. Ушакова являлась ее безусловная, а не декларативная открытость на всех процессуальных этапах, вплоть до детального рассмотрения принципов подбора диагностических средств, обоснованности мотивационно-побудительных моментов и собственно технологии проведения эксперимента. Поэтому в дискуссии 1960-х гг. Бархударова и Текучева о методике русского языка как о науке М.В. Ушаков оказался, пожалуй, единственным, кто последовательно и бескомпромиссно отстаивал равнозначность и равноценность методов наблюдения и эксперимента в методике русского языка.

Так, в статье «Об эксперименте в методике русского языка», размещенной в № 1 журнала «Русский язык в школе» за 1960 г., он отмечал: «Против эксперимента в методике иногда возражают, указывая, что он очень громоздок и неприменим в массовых условиях, так как требует большого количества испытуемых», и далее, отводя подобные доводы как необидительные, констатировал, что «само обращение к эксперименту, к анализу фактов для доказательства методических положений можно признать прогрессивным». Более того, тот, кто «пытается доказать его нецелесообразность и невозможность», оказывает плохую услугу «методике русского языка как науке, отказывая ей в методе, который является

вполне объективным и больше приближает ее к точным наукам» [Ушаков 1960: 95].

Не менее показательной в плане неизменного стремления М.В. Ушакова к открытости в науке, преодолению кабинетно акцентированных трафаретов, а вместе с ними и безысходности идеологизированной предвзятости является его и более ранняя статья «Грамматика и правописание», опубликованная в № 2–3 журнала «Русский язык в советской школе» за 1931 г. [Ушаков 1931]. Эта статья, содержательно выстроенная в контексте идей А.М. Пешковского, появилась в обстановке стремительно набравшей обороты жесткой, идеологизированной риторики, нацеленной против формального подхода в лингвистике и в школьной грамматике, когда «конфликт между усиливающимся давлением марризма и здравым смыслом» [Апресян 2001: III] еще не достиг своего апогея, но уже прозвучали как заранее вынесенный приговор слова «пешковщина» и «враг советского учительства», ставшие через год, после опубликования сборника статей под броским названием «Против буржуазной контрабанды в языкознании», сиюминутно хлесткими, но идейно выдержанными определениями.

Заострив внимание на этих двух, разнесенных во времени на три десятилетия статьях М.В. Ушакова, мы стремились не столько подчеркнуть или «оттенить» ряд личностных качеств, сколько выделить один, но немаловажный биографический факт из жизни ученого. Речь в данном случае идет о долговременном и плодотворном сотрудничестве с журналом «Русский язык в школе». Список статей, опубликованных М.В. Ушаковым на страницах журнала, составленный методом сплошной выборки, состоит, по нашим подсчетам, из 46 работ, включая 10 статей-рецензий, а это без малого четверть всего публикационно-го архива ученого.

Первые публикации М.В. Ушакова в нашем журнале пришлось на начало 1928 г., а их тематика была непосредственно связана с развитием так называемого «школьно-грамматического кризиса», что нашло свое отражение в названиях статей: «Голос учительства по вопросам преподавания грамматики» и «Современный конфликт между школьной и научной грамматикой». В этом же году он выступил и в качестве рецензента, опубликовав четыре критических отзыва, три из них были размещены

на страницах журнала «Родной язык и литература в трудовой школе».

Осенью 1929 г., после опубликования в «Учительской газете» программной статьи сотрудника сектора науки Наркомпроса РСФСР И.В. Устинова «Реформа русского правописания 1917 года осталась незаконченной!», вызвавшей острополемический отклик не только в кругу специалистов, но и среди широких читательских масс, Наркомпрос РСФСР объявил об учреждении очередной комиссии по реформе правописания и пунктуации, а также об открытии очередного, на этот раз орфографического фронта. Одним из первых результатов вновь заявленной орфографической реформы стал проект «О новом правописании», продекларированный как «крупный революционный акт» и призванный разрешить «вопрос о сокращении времени, затрачиваемого на овладение техническими навыками грамотного письма» [Проект Главнауки о новом правописании 1930: 26]. При этом орфографической комиссией в основу предлагаемых нововведений были положены «фонетический и морфологический принцип в их органической связи с неизбежным уклоном в сторону фонетики, посредством приближения письма к действительно общим установившимся нормам русского литературного произношения, поскольку, конечно, в нем отстоялись определенные социальные нормы (чего, например, нет в случае с безударными гласными) и поскольку фонетизация письма сама не противоречит живой морфологической ассоциации (*вада*, но *вóды*)» [Там же: 25]. Проект «О новом правописании» в соответствии с указанием Главнауки Наркомпроса РСФСР был опубликован в 1930 г. как отдельным изданием, так и размещен в виде базовых тезисов на страницах «Учительской газеты» и в № 1 журнала «Русский язык в советской школе». А уже в следующем номере этого журнала публикуется статья М.В. Ушакова «Научно-лингвистические основы методики правописания», которая, по сути, являясь не чем иным, как идейным концентратом основных положений диссертационного исследования автора, концептуально имела противопоставительный характер, так как в ней отстаивалась методологическая и методическая равнозначность всех орфографических принципов. В частности, говоря о проблематике русских написаний и их систематизации, М.В. Ушаков

отмечал: «Дело все в том, что фонетизм и морфологизм отнюдь не исключают друг друга, потому что написание может соответствовать произношению и данного слова и слова с ним родственного. Поэтому логическая последовательность деления обязывает к установлению промежуточных подклассов написаний (фонетико-неморфологических, фонетико-морфологических и т.д.); она обязывает к характеристике каждого написания со стороны не одного только, но и всех принципов, что приводит к более полному выявлению особенностей правописания» [Ушаков 1930: 109].

Взвешенный подход, основанный на признании сосуществования трех орфографических принципов, позволил М.В. Ушакову выйти на уровень детальной разработки объяснительной типологии орфограмм русского языка, ориентированной в первую очередь на повседневное применение в школьной практике, а потому не зависимой от конъюнктурных приоритетов кабинетных частнолингвистических дедукций. Что же касается отечественной лингвистики, то к вариациям решений, которые могут быть так или иначе соотнесены с объяснительно-типологическими исследованиями, она смогла приблизиться только через 30 лет после написания М.В. Ушаковым статьи «Научно-лингвистические основы методики правописания». Поэтому не удивительно и то, что академическое сообщество в 1930-е гг., признавая необходимость и целесообразность для школьной практики разработки универсального подхода в обучении орфографии, тем не менее, последовательно отстаивало свое «частное академическое» право на установление определенной иерархии орфографических принципов в школьной орфографии. Так, академик С.П. Обнорский в докладе «Основные принципы орфографической нормализации», представленном на заседании Правительственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации, состоявшемся 7 октября 1939 г., отметил: «...Всекие резкие нарушения сложившейся системы нашего письма... со всех точек зрения были бы нецелесообразны. <...> А между тем нередко поползновения и отдельные предложения — сблизить наше письмо с произношением и, как обычно в таких случаях говорится, «упростить» наше письмо. <...> Из сказанного выше понятно, что произойдет как раз

обратное, так как в системе письма скрестились бы в случайных дозах отражения одного и другого, морфологического и фонетического, принципов, и обучающемуся письму как-то механически суждено было бы запоминать, что здесь в обосновании письма действует морфологический, а здесь фонетический принцип. Всякая система будет проста и, я бы сказал, легка, если она прозрачна с точки зрения своего построения на одном каком-то принципе. Русская орфографическая система базируется на морфологическом принципе, и чем меньше будет в ней отражений каких-либо иных принципов, тем она будет более цельной, прозрачной, легкой» [Обнорский 1939: 9–10].

Что же касается самого автора объяснительной типологии орфограмм русского языка, то он еще неоднократно будет возвращаться к этой теме, например в статье «Еще раз о принципах нашего правописания», опубликованной в № 4 журнала «Родной язык и литература в средней школе» за 1935 г., а также при разборе частных случаев особенностей правописания. В итоге М.В. Ушакову удалось не только создать классификацию орфограмм русского языка, но и доказать, что классификационные границы обусловлены универсальностью орфографических принципов. Поэтому на протяжении не одного десятилетия методисты русского языка разных поколений давали и дают заслуженно высокую оценку научно-исследовательской деятельности М.В. Ушакова, отмечая ее методологическое значение для разработки основ правило направленной методики обучения орфографии (см.: [Рождественский 1948: 67; Разумовская 1992: 14; Комиссарова 1998: 49]).

Вновь возвращаясь к 1930-м годам, считаем необходимым отметить еще одно событие, непосредственным участником которого был М.В. Ушаков. Речь в данном случае идет о совещании по вопросам обучения орфографии, которое проводилось 13–17 декабря 1935 г. Центральным научно-исследовательским институтом педагогики (ЦНИИП), где он представил доклад о результатах опытной работы «Сочинение и диктант в свете эксперимента». По итогам работы совещания была принята резолюция из 13 пунктов, констатирующая базовые положения в обучении орфографии.

Во-первых, «выработка правописного навыка» с учетом «процесса осознания

учащимися языка» и «закономерности развития речи и сознания ребенка»; во-вторых, ведущим принципом «следует признать усвоение грамматических знаний и связанных с ним орфографических правил»; в-третьих, обучать орфографии на «основе углубленной работы над значением слова, его структурой и синтаксической функцией»; в-четвертых, применять «разнообразные приемы обучения с учетом особенностей орфографии и возрастных особенностей учащихся» [Научно-исследовательская работа по орфографии 1936: 94–95]. Документ также определял условия эффективности работы по орфографии в школе, суть которых состояла в следующем: повышение квалификации учителей, повсеместное соблюдение орфографического режима, корректировка программ для начальной и средней школы, обеспечение учителя «доброкачественными» методическими, учебными и справочными материалами, а также «упорядочение» самого правописания. В третьей части резолюции задавались направления научно-исследовательской работы по орфографии [Там же: 95–96]. Принятый документ на долгие годы стал стратегической программой формирования и развития методики орфографии, по ней же выстраивал свою профессиональную деятельность и М.В. Ушаков.

Многие вопросы школьной орфографии требовали немедленного разрешения в связи со сложностью орфографических правил, их неупорядоченностью, часто и с «отсутствием твердых правил правописания», неразработанностью конкретных методик изучения правил, недостаточной освещенностью в методической литературе, а иногда и полным ее отсутствием. Были и другие причины, но кратко сложившуюся ситуацию можно охарактеризовать фразой самого ученого: «необходимо подтянуть этот отстающий участок орфографического фронта». Малоизученные отдельные орфографические вопросы нашли освещение в целом ряду его публикаций. В статье «Сомнительные согласные» (1938. — № 5–6. — С. 122–131) дана группировка орфографических правил, объединенных общим понятием «сомнительные согласные» (что само по себе уже представляет ценность для школьной практики: от общего к частному!); проведен глубокий лингвистический анализ орфограмм; указаны, какие приемы обучения лучше

применять при усвоении орфографических правил; предложена организация процесса изучения и повторения при обучении другим темам.

В этом же ряду и статья «Трудные случаи орфографии» (1939), в которой М.В. Ушаков ввел и раскрыл понятие «трудный случай» на многочисленных примерах из разных разделов орфографии. Что же такое трудный случай в понимании ученого? Во-первых, характер трудности часто заложен в самом правиле, в котором «...разнообразные условия синтаксического, словарного, морфологического характера, сталкиваясь и переплетаясь, образуют внутри каждого правила своеобразные узлы трудностей, обуславливают полнейшую разнородность отдельных орфографических правил» [Ушаков 1939: 49]. Во-вторых, многие трудности связаны с применением правила учащимися, когда осуществляется перенос правила под действием ложной аналогии, а именно в связи «...с смешением сходных, но не тождественных правил или элементов правил» [Там же]. Выявляя причины затруднений, природа которых различна, М.В. Ушаков указывал на необходимость изучения таких случаев через специальные наблюдения за учащимися в процессе применения правил, а также через анализ и учет орфографических ошибок с целью выяснения причин, порождающих затруднения. Когда учитель русского языка знает, какие трудности возникают в процессе обучения, у него появляется «надежный критерий» в выборе дидактического материала и его дозировке, выборе методических приемов, группировки материала в логике от легкого к более трудному и др., и это позволит ему еще «больше дифференцировать и усовершенствовать» методику орфографии. Автор считал, что выделение трудных случаев имеет большое значение и для обучения в старших классах, «где при незначительном количестве часов необходимо концентрировать внимание только на самом основном и трудном» [Там же: 47]. Таким образом, знание учителем разного рода затруднений помогает «правильно организовать учет орфографической грамотности — взвешивать и уравнивать диктовочные тексты по их трудности, избегать в тексте “скользких” случаев, дифференцированно расценивать ошибки на одно и то же правило в зависимости от степени трудности данного конкретного случая» [Там же].

Стремление Матвея Васильевича Ушакова осветить недостаточно разработанные вопросы в методике орфографии находило отражение и в других его статьях, посвященных узким орфографическим темам: «Правописание приставок ПРЕ- и ПРИ-» (1937. — № 1. — С. 84–92), «Собственные имена существительные на ОВ и ИН» (1939. — № 5–6. — С. 139–140), «Правописание глагольных форм 2-го лица множественного числа» (1951. — № 1. — С. 44–47) и др.

Закончив обзор этой части публикаций, считаем необходимым отметить одну очень важную задачу, которую ставил перед собой М.В. Ушаков, — *научить мыслить орфографически и методически* на основе объяснения разного вида и характера орфограмм. В качестве иллюстрации обратимся к материалу статьи, посвященной усвоению школьного правила «Правописание *ё* (*е*) — *о* после шипящих в корне» (1955. — № 4. — С. 31–33). Так, автор писал о том, что методически целесообразно формулировку правила упростить, чтобы предупредить ошибки учащихся. В целях грамотной организации учебного процесса им обоснован порядок изучения и последовательность предъявления дидактического материала с учетом особенностей орфограмм и затруднений учащихся.

М.В. Ушаков не только разрабатывал методику изучения орфограмм, проверяемых правилом, но его интересовали и вопросы усвоения непроверяемых орфограмм. Отдельные случаи правописания слов им рассматривались практически в каждой статье, но систематическая работа над орфографией слов, не проверяемых правилом, была освещена в публикации «Работа над словами, правописание которых не проверяется правилами» (1956. — № 4. — С. 65–72). Основанием для систематической работы с непроверяемыми написаниями он считал отбор слов с учетом степени употребительности в письменной речи и составление из них обязательного списка для каждого года обучения. Идея орфографических словников для школы и организации работы с ними была в методике не нова, но ее обогащение в процессе развития методики орфографии приобретало новые черты. Автор предлагал разнообразные приемы работы: графическое выделение орфограмм; выборочное выписывание слов с распределением по группам в зависимости от

разных признаков, фонетических, грамматических, смысловых, орфографических; выписывание слов по внешним признакам, например, слова с двумя безударными *о* (*воробей*), *а* (*барaban*) и т.п.; выписывание, осложненное заданиями, вставка букв и др. Многие приемы, уже привычные для школьной практики, перестраивались в задания комбинированного типа в связи с изучением программной темы (фонетики, состава слова, глагола и т.д.). Грамматико-орфографические задачи дополнялись речевыми упражнениями (написать сочинение, используя ряд слов), работой со словарем, причем словарь рассматривался не только как справочное издание для проверки слов, но и как учебное пособие (автором разработана была серия словарно-орфографических заданий). А далее М.В. Ушаковым приводился примерный список слов (орфографические словники явились прообразом орфографических мини-словарей, расположенных в современных учебниках русского языка). Идея систематической работы над непроверяемыми орфограммами получила свое развитие в последующие годы в методических трудах М.Т. Баранова, Н.Н. Алгазиной, М.М. Разумовской и других ученых.

Интересна статья «Работа над дифференцирующими написаниями» (1941), в которой М.В. Ушаков акцентирует внимание на формировании **познавательного интереса** при работе над орфографическим правилом. «Как оживить изучение орфографии в школе, как сделать его более интересным — вот вопрос, который не теряет своей остроты», — писал он во вступлении. Чтобы преодолеть монотонность, а иногда и негативное отношение учащихся к занятиям орфографией, М.В. Ушаков считал, что важно «сделать учащихся сознательными участниками процесса обучения» [Ушаков 1941: 53], но для разрешения этой педагогической проблемы нужно создать условия, в которых ярко проявляется роль орфографического правила, его полезность и необходимость в практике письма. Выполнению этой задачи способствует специально подобранный дидактический материал, насыщенный многочисленными дифференцирующими написаниями: словами-омофонами, омонимами, паронимами и др. Примеры, предъявляемые учащимся на разных этапах обучения, наглядно демонстрируют, что орфография служит для дифференциации значений, для точной передачи

мыслей. Материал, включающий дифференцирующие написания, обладает богатыми возможностями для разработки различного типа заданий (сопоставление и противопоставление, образование и поиск форм, подбор слов и т.д.), в том числе занимательного характера (загадки, каламбуры, истории). «Такие примеры хорошо запоминаются учащимися и прекрасно иллюстрируют вред орфографических ошибок», «воспитывают сознательное отношение к орфографии», «раскрывают значение орфографической грамотности» [Там же].

Стоит остановиться еще на одной из ключевых научно-методических идей М.В. Ушакова — это **включение орфографических работ в общую систему обучения языку**, которая наиболее полное отражение получила в журнальных публикациях послевоенного времени: «Повторение морфологии и орфографии в связи с изучением синтаксиса» (1948. — № 4. — С. 17–25); «К повторению морфологии и орфографии в VII классе» (1958. — № 2. — С. 81–85); «Повторение пройденного на материале числительных» (1967. — № 2. — С. 17–19) и др. Повторение орфографии при изучении тем и разделов русского языка автор предлагал организовывать таким образом, чтобы естественно и логично ввести орфографический материал на этапах обобщения и систематизации изученного, создавая ситуацию постоянного повторения видов орфограмм и правил, причем это систематическое повторение может быть попутным (в связи с учетом цикла тем), заключительным (в конце года), сквозным (обобщение разрозненного материала). Система заданий и упражнений как основное средство закрепления орфографических умений и навыков должна быть разнообразна: от орфографических до комбинированных, усложненных. (В современной методике орфографии типы таких заданий, на наш взгляд, получили весьма удачное определение — **аспектно-орфографические упражнения**. Предложенное профессором Т.А. Остриковой данное определение позволяет объединить разные группы упражнений в единый кластер [Острикова 2008: 103–105]). Практическая ориентированность статей М.В. Ушакова на запросы школьной практики отражена в содержании: даны практические разработки аспектно-орфографических упражнений, причем уже ставшие традиционными грамматико-орфографические и орфографические задания дополняются совершенно новой группой, правописно-речевой. Приведены примеры

уроков повторения; предложена система индивидуальных дополнительных заданий для работы над ошибками учащихся. В данных работах проявилась одна из главных черт статей М.В. Ушакова — **обеспечение учителя русского языка методическими материалами и разработками.**

Необходимость **сочетать работу по орфографии** не только с грамматическими темами, но и **с культурой речи, ее развитием** — еще один важнейший методический принцип, которым руководствовался М.В. Ушаков: «Преподавателю необходимо уметь, что работа над орфографией, как бы тщательно она не проводилась, только тогда может привести к прочным результатам, если она является составной частью работы над культурой речи» [Ушаков 1940: 63]. Для этого, по мнению автора, «надо вести работу над орфоэпией», которая «пронизывает работу по русскому языку во всех ее разделах», вводить «стилистические упражнения, осложненные грамматическими и орфографическими заданиями», «... практиковать промежуточные письменные работы... — свободный, творческий, выборочный диктант» [Там же: 63, 62].

М.В. Ушаков стремился показать учителю, что постановка узкоорфографических целей мало влияет на грамотность и развитие речи учащихся, поэтому так важно в школьной практике постоянно уделять внимание развитию культуры речи, вводить такие виды работ, которые «приучают учащихся одновременно думать и об орфографии, и об оформлении своих мыслей, тем самым подготавливая к самостоятельному изложению их и перебрасывая мост от диктанта к сочинению» [Там же: 62].

Идея ученого — взаимосвязь орфографии и развития речи — впоследствии обстоятельно была воплощена в методическом пособии для учителя («Обучение орфографии в связи с развитием речи в V—VII классах», 1947).

Как истинный ученый, Матвей Васильевич Ушаков постоянно находился в научном поиске путей рационального обучения орфографии, поэтому опытно-экспериментальная работа сопровождала всю его профессиональную деятельность. Первые экспериментальные исследования он начал в 1930-е гг. по проверке роли орфографического правила в формировании орфографической грамотности, о чем говорит его статья, опубликованная в 1935 г. (К вопросу о роли правила при обучении орфографии.

(Экспериментальное исследование) // Родной язык и литература в средней школе. — 1935. — № 2. — С. 8—13). В это же время им организован и проведен сравнительный эксперимент; редакция журнала «Русский язык в школе», делая обзор материалов научного совещания (о нем см. выше), в частности выступления М.В. Ушакова, писала: «Выводы докладчика: диктант отнюдь не является идеальным средством учета орфографической грамотности, отображающем ту естественную грамотность, какую мы имеем при свободном письме. Диктант не дает точной картины орфографической грамотности, поскольку он снижает количество ошибок. Вот почему при оценке орфографической грамотности нужно опираться не только на показатели диктанта, но и сочинения». И далее: «Существует теснейшая связь между развитием речи и орфографией. Для устранения расхождения между диктантом и сочинением необходимо самое серьезное внимание обратить на развитие речи учащихся, в частности на культуру изложения. Диктант является незаменимым средством дифференцированного учета» [Научно-исследовательская работа по орфографии 1936: 93]. Мысль о взаимосвязи развития речи и орфографии нашла подтверждение еще в одном сравнительном эксперименте «Диктант и изложение». Впоследствии материалы двух экспериментов легли в основу ряда статей в качестве доказательной базы разработки новых приемов обучения, типов упражнений, а также описания условий для выбора эффективного приема в ряду других с целью предупреждения орфографических ошибок и затруднений учащихся в процессе применения правил [Ушаков 1946; Ушаков 1960].

Наблюдение и эксперимент как два основных метода исследования в научной практике ученого были незаменимыми инструментами при выявлении орфографических ошибок, с последующей их классификацией и учетом. Следствием этой работы стали неоднократно апробированные, эмпирически выверенные и систематизированные практические рекомендации для учителей. Постановку систематической работы над ошибками с целью поднятия грамотности школьников М.В. Ушаков считал одной из главных задач учителя. (Работа над орфографическими ошибками // Русский язык в школе. — 1940. — № 3. — С. 50—51.)

Продолжая работать над проблемой эффективности различных приемов обучения

орфографии, в 1951 г. он экспериментальным путем определял роль «зрительных восприятий в освоении орфографии (при фиксации внимания учащихся на определенные орфограммы), рукодвигательной работы (при списывании), устного анализа орфограмм по тексту с пропущенными буквами (влияние зрительных и моторных восприятий в случае устраняется)» [Добромыслов 1952: 85–86].

Проверка эффективности приемов обучения орфографии, разработанных другими исследователями, также была в центре внимания ученого. Так, он экспериментально проверял влияние приема проговаривания на учащихся (прием научно обосновывался как универсальный способ работы с непроверяемыми и труднопроверяемыми орфограммами Н.Н. Китаевым в 1959 г. — С.К.). Результаты эксперимента нашли отражение уже в посмертной статье профессора М.В. Ушакова «Экспериментальная проверка эффективности проговаривания». Отметим только основные выводы, к которым пришел М.В. Ушаков: «Наши эксперименты и наблюдения... никак не говорят в пользу проговаривания. Они убеждают нас в том, что нет достаточных оснований считать проговаривание наиболее эффективным приемом обучения орфографии» [Ушаков 1968: 38].

В 50-е гг. Матвей Васильевич Ушаков опубликовал цикл статей, посвященных отдельным языковым темам «Изучение алфавита в V классе» (1952. — № 4. — С. 31–32), «Изучение рода и числа существительных в V классе» (1953. — № 5. — С. 45–47), «Слова, грамматически не связанные с членами предложения» (1955. — № 2. — С. 54–60) и др. В этот же период появилась публикация «Сократить теоретический материал по русскому языку в средней школе» (1959. — № 1. — С. 58–61). В ней ученый, проанализировав соотношение теории и практики грамматических и орфографических тем в школьном учебнике русского языка С.Г. Бархударова и С.Е. Крючкова, высказал ряд критических замечаний по поводу количества правил, их доступности для учащихся, объема, предложив авторам учебника пути оптимизации (исключение отдельных правил и деталей, упрощение формулировок, сокращение слов-исключений).

В первой половине 60-х гг. М.В. Ушаков снова возвратился к методике изучения узких орфографических тем: «Об обозначении

мягкости согласных (о сочетании согласных, в которых не пишется *ь*)» (1963. — № 4. — С. 32–34); «Повторение пройденного на материале числительных» (1967. — № 2. — С. 17–19). В фокусе его внимания были также орфографические ошибки в письменной речи учащихся и система их предупреждения: «Об орфографических ошибках в окончаниях прилагательных» (1962. — № 1. — С. 75–79); «Об изучении орфографических ошибок» (1965. — № 1. — С. 41–44), а также ряд других актуальных тем.

Подытоживая вышесказанное, хотим подчеркнуть, что в своих публикациях Матвей Васильевич Ушаков непреложно следовал в русле канонического императива научно-исследовательской этики, когда частное соотносится с общим и общее — с частным, а это изначально предполагало отход от монологичного, «проповедческого» постулирования и постоянную готовность к диалогу, к открытой научной дискуссии. Самой широкой дискуссионной площадкой в те годы был журнал «Русский язык в школе», тираж которого нередко достигал 190 тысяч экземпляров.

Менялись государственные приоритеты в языковом образовании, изменялось наименование журнала, происходила смена главных редакторов, но неизменным оставалось основное направление редакционной политики, нацеленное в первую очередь на рационализацию методического знания и его концентрацию, постоянное «уплотнение» вокруг проблемных вопросов в обучении русскому языку. В то же время журнал «Русский язык в школе» являлся той интеллектуальной площадкой, на которой велось интенсивное тестирование всех образовательных новаций в области методики русского языка. В связи с чем журнал активно поддерживал процесс научно-общественной экспертизы, где в качестве коллективного эксперта выступали представители академического сообщества, ученые-методисты, представители органов управления образованием и школьные учителя.

Поэтому неудивителен тот факт, что неизменный читательский интерес и широкий дискуссионный отклик получали те публикации, где не только отражались временные ситуативные проблемы школьной практики, но и рассматривалась методическая и лингвистическая проблематика как обобщенно, так и через те частности, которыми, по сути, и структурировался

лингвометодический дискурс в то время. К числу авторов таких публикаций можно смело отнести и профессора М.В. Ушакова, чьи статьи с неизменной регулярностью появлялись на страницах журнала «Русский язык в школе».

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. «Русский синтаксис в научном освещении» в контексте современной лингвистики / Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. — 8-е изд., доп. — М., 2001. — С. III—XXXIII.

Добромыслов В.А. В секторе методики русского языка Института методов обучения АПН РСФСР // Русский язык в школе. — 1952. — № 1. — С. 84—87.

Комиссарова Л.Ю. Матвей Васильевич Ушаков (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. — 1998. — № 6. — С. 48—50, 118.

Научно-исследовательская работа по орфографии // Русский язык в школе. — 1936. — № 2. — С. 91—96.

Обнорский С.П. Основные принципы орфографической нормализации // Русский язык в школе. — 1939. — № 5—6.

Острикова Т.А. Орфография в школе: полувековой опыт обучения. — М., 2008.

Проект Главнауки о новом правописании: сб. / сост. Н. Кременский и В. Мамонов; под ред. Г. Данилова и Г. Костенко. — М., 1930.

Разумовская М.М. Методика обучения орфографии в школе: книга для учителя. — М., 1992.

Рождественский Н.С. М.В. Ушаков. Методика правописания: пособие для учителей средней школы // Русский язык в школе. — 1948. — № 4. — С. 67—70.

Ушаков М.В. Грамматика и правописание // Русский язык в советской школе. — 1931. — № 2—3. — С. 125—143.

Ушаков М.В. Диктант или сочинение? // Русский язык в школе. — 1946. — № 5—6. — С. 73—74.

Ушаков М.В. Научно-лингвистические основы методики обучения правописанию // Русский язык в советской школе. — 1930. — № 2. — С. 108—120.

Ушаков М.В. Об эксперименте в методике русского языка // Русский язык в школе. — 1960. — № 3. — С. 94—95.

Ушаков М.В. Орфография и культура речи // Русский язык в школе. — 1940. — № 6. — С. 61—63.

Ушаков М.В. Работа над дифференцирующими написаниями // Русский язык в школе. — 1941. — № 2. — С. 52—53.

Ушаков М.В. Трудные случаи орфографии // Русский язык в школе. — 1939. — № 3. — С. 47—50.

Ушаков М.В. Экспериментальная проверка эффективности проговаривания // Русский язык в школе. — 1968. — № 1. — С. 34—38.

REFERENCES

Apresyan Yu.D. «Russkii sintaksis v nauchnom osveshhenii» v kontekste sovremennoi lingvistiki, in *Peshkovskii A.M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshhenii*, iss. 8 enlarged, Moskva, 2001, pp. III—XXXIII.

Dobromyslov V.A. V sektore metodiki russkogo yazyka Instituta metodov obucheniya APN RSFSR, in *Russkii yazyk v shkole*, No. 1, 1952, pp. 84—87.

Komissarova L.Yu. Matvei Vasil'evich Ushakov (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya), in *Russkii yazyk v shkole*, No. 6, 1998, pp. 48—50, 118.

Nauchno-issledovatel'skaya rabota po orfografii, in *Russkii yazyk v shkole*, No. 2, 1936, pp. 91—96.

Obnorskii S.P. Osnovnye printsipy orfograficheskoi normalizatsii, in *Russkii yazyk v shkole*, No. 5—6, 1939.

Ostrikova T.A. Orfografiya v shkole: poluvekovoi opyt obucheniya, Moskva, 2008.

Proekt Glavnauki o novom pravopisanii: comp. Kremenskii N. and Mamonov V., after ed. Danilova G. and Kostenko G., Moskva, 1930.

Razumovskaya M.M. Metodika obucheniya orfografii v shkole: teachers book, Moskva, 1992.

Rozhdestvenskii N.S. M.V. Ushakov. Metodika pravopisaniya. Guidebook for teachers of middle school. in *Russkii yazyk v shkole*, No. 4, 1948, pp. 67—70.

Ushakov M.V. Grammatika i pravopisanie, in *Russkii yazyk v sovetskoi shkole*, No. 2—3, 1931, pp. 125—143.

Ushakov M.V. Diktant ili sochinenie? in *Russkii yazyk v shkole*, No. 5—6, 1946, pp. 73—74.

Ushakov M.V. Nauchno-lingvisticheskie osnovy metodiki obucheniya pravopisaniyu, in *Russkii yazyk v sovetskoi shkole*, No. 2, 1930, pp. 108—120.

Ushakov M.V. Ob eksperimente v metodike russkogo yazyka, in *Russkii yazyk v shkole*, No. 3, 1960, pp. 94—95.

Ushakov M.V. Orfografiya i kul'tura rechi, in *Russkii yazyk v shkole*, No. 6, 1940, pp. 61—63.

Ushakov M.V. Rabota nad differentsiruyushimi napisaniyami, in *Russkii yazyk v shkole*, No. 2, 1941, pp. 52—53.

Ushakov M.V. Trudnye sluchai orfografii, in *Russkii yazyk v shkole*, No. 3, 1939, pp. 47—50.

Ushakov M.V. Eksperimental'naya proverka effektivnosti progovarivaniya, in *Russkii yazyk v shkole*, No. 1, 1968, pp. 34—38.